

Почти такие же

Автор:

Аркадий и Борис Стругацкие

Почти такие же

Аркадий и Борис Стругацкие

Полдень, XXII век Почти такие же #2

«Их вот-вот должны были вызвать, и они сидели в коридоре на подоконнике перед дверью. Сережа Кондратьев болтал ногами, а Панин, вывернув короткую шею, глядел за окно в парк, где на волейбольной площадке прыгали у сетки девчонки с факультета Дистанционного Управления. Сережа Кондратьев, подсунув под себя ладони, смотрел на дверь, на блестящую черную пластинку с надписью «Большая Центрифуга». В Высшей школе космогации четыре факультета, и три из них имеют тренировочные залы, на дверях которых висит пластинка с такой же надписью. Всегда очень тревожно ждать, когда тебя вызовут на Большую Центрифугу. Вот Панин, например, глазеет на девчонок явно для того, чтобы не показать, как ему тревожно. А ведь у Панина сегодня самая обычная тренировка...»

Аркадий и Борис Стругацкие

Почти такие же

Их вот-вот должны были вызвать, и они сидели в коридоре на подоконнике перед дверью. Сережа Кондратьев болтал ногами, а Панин, вывернув короткую шею, глядел за окно в парк, где на волейбольной площадке прыгали у сетки девчонки с факультета Дистанционного Управления. Сережа Кондратьев, подсунув под себя ладони, смотрел на дверь, на блестящую черную пластинку с надписью «Большая Центрифуга». В Высшей школе космогации четыре

факультета, и три из них имеют тренировочные залы, на дверях которых висит пластинка с такой же надписью. Всегда очень тревожно ждать, когда тебя вызовут на Большую Центрифугу. Вот Панин, например, глазеет на девчонок явно для того, чтобы не показать, как ему тревожно. А ведь у Панина сегодня самая обычная тренировка.

- Хорошо играют, - сказал Панин басом.

- Хорошо, - сказал Сережа, не оборачиваясь.

- У «четверки» отличный пас.

- Да, - сказал Сережа. Он передернул плечами. У него тоже был хороший пас, но он не обернулся.

Панин посмотрел на Сережу, посмотрел на дверь и сказал:

- Сегодня тебя отсюда понесут.

Сережа промолчал.

- Ногами вперед, - сказал Панин.

- Да уж, - сказал Сережа, сдерживаясь. - Тебя-то уж не понесут.

- Спокойно, спортсмен, - сказал Панин. - Спортсмену надлежит быть спокойну, выдержану и всегда готову.

- А я спокоен, - сказал Сережа.

- Ты спокоен? - сказал Панин, тыкая его в грудь негнувшимся пальцем. - Ты вибрируешь. Ты трясешься, как малек на старте. Смотреть противно, как ты трясешься.

- А ты не смотри, - посоветовал Сережа. - Смотри лучше на девочек. Хороший пас и все такое.

- Ты непристойен, - сказал Панин и посмотрел в окно. - Прекрасные девушки! И замечательно играют.

- Вот и смотри, - сказал Сережа. - И старайся не стучать зубами.

- Это я стучу зубами? - изумился Панин. - Это ты стучишь зубами.

Сережа промолчал.

- Мне можно стучать зубами, - сказал Панин, подумав. - Я не спортсмен.

- Он вздохнул, посмотрел на дверь и сказал: - Хоть бы скорее вызвали, что ли...

Слева в конце коридора появился староста второго курса Гриша Быстров, Он был в рабочем комбинезоне, приближался медленно и вел пальцем по стене. Лицо у него было задумчивое. Он остановился перед Кондратьевым и Паниным и сказал:

- Здравствуйте. - Голос у него был печальный.

Сережа кивнул. Панин снисходительно сказал:

- Здравствуй, Григорий. Вибрируешь ли ты перед Центрифугой, Григорий?

- Да, - ответил Гриша Быстров. - Немножко.

- Вот, - сказал Панин Сереже, - Григорий волнуется всего-навсего немножко. А между тем Григорий всего-навсего малек.

Мальками в школе называли курсантов младших курсов.

Гриша вздохнул и тоже сел на подоконник.

- Сережа, - сказал он. - Правда, что ты делаешь сегодня первую попытку на восьмикратной?

- Да, - сказал Сережа. Ему совсем не хотелось разговаривать, но он боялся обидеть Быстрова, - Если позволят, конечно, - добавил он.

- Наверное, позволят, - сказал Гриша.

- Подумаешь, попытка на восьмикратной! - сказал Панин легкомысленно.

- А ты пробовал на восьмикратной? - с интересом спросил Гриша.

- Нет, - сказал Панин. - Но зато я не спортсмен.

- А может быть, попробуешь? - сказал Сережа. - Вот прямо сейчас, вместе со мной. А?

- Я человек простой, простодушный, - ответил Панин. - Есть норма. Нормой считается пятикратная перегрузка. Мой простой, незамысловатый организм не выносит ничего, превышающего норму. Однажды он попробовал шестикратную, и его вынесли на седьмой минуте. Вместе со мной.

- Кого вынесли? - не понял Гриша.

- Мой организм, - пояснил Панин.

- Да, - сказал Гриша со слабой улыбкой. - А я вот еще не дошел и до пятикратной.

- На втором курсе и не надо пятикратной, - сказал Сережа. Он спрыгнул с подоконника и принялся приседать поочередно на левой и на правой ноге.

- Ну я пошел, - сказал Гриша и тоже спрыгнул с подоконника.

- Что случилось, староста? - спросил Панин. - Почему такая тоска?

- Кто-то устроил штуку с Копыловым, - печально сказал Гриша.

- Опять? - сказал Панин. - Какую штуку?

Второкурсник Валя Копылов был известен на факультете своей привязанностью к вычислительной технике. Недавно на факультете установили новый, очень хороший волноводный вычислитель ЛИАНТО, и Валя проводил возле него все свободное время. Валя торчал бы возле него и ночью, но ночью на ЛИАНТО велись вычисления для дипломатов, и Валентина беспощадно выгоняли.

- Кто-то из наших запрограммировал любовное послание, - сказал Гриша.

- Теперь ЛИАНТО на последнем цикле выдает: «Без Копылова жизнь не та, люблю, привет от Лианта». В простом буквенном коде.

- «Привет от Лианта...» - сказал Сережа, массируя себе плечи. - Поэты. Задавить из жалости.

- Подумать только, - сказал Панин. - Какой нынче малек пошел веселый.

- Что вы мне это говорите, - сказал Гриша Быстрое. - Вы этим дуракам скажите. Действительно, «привет от Лианта». Сегодня ночью Кан делал расчет, и вместо ответа - раз! - «привет от Лианта». Теперь он меня вызывает.

Тодор Кан, железный Кан, был начальником Штурманского факультета.

- О! - сказал Панин. - Тебе предстоят интересные полчаса, староста. Железный Кан очень живой собеседник.

- Железный Кан большой эстет, - сказал Сережа Кондратьев. - Он не потерпит старосту, у которого курсанты двух строк связать не могут.

- Я человек простой, простодушный, - начал Панин, но в это время дверь приоткрылась и высунулась голова дежурного.

- Кондратьев, Панин, приготовиться, - сказал дежурный.

Панин осекся и одернул куртку.

- Пошли, - сказал он.

Кондратьев кивнул Грише и пошел следом за Паниным в тренировочный зал. Зал был огромен, и посередине сверкало четырехметровое коромысло на толстой кубовой станине – Большая Центрифуга. Коромысло вращалось. Кабины на его концах, оттянутые центробежной силой, лежали почти горизонтально. Окошек в кабинах не было, и наблюдение за курсантами велось изнутри станины при помощи системы зеркал. Несколько курсантов отдыхали у стены на шведской скамейке. Задрав головы, они следили за проносящимися кабинами.

– Четырехкратная, – сказал Панин, глядя на кабины.

– Пятикратная, – сказал Кондратьев. – Кто там сейчас?

– Нгуэн и Гургенидзе, – сказал дежурный.

Он принес два костюма для перегрузок, помог Кондратьеву и Панину одеться и зашнуровал их. В костюме для перегрузок человек похож на кокон шелкопряда.

– Ждите, – сказал дежурный и пошел к станине.

Раз в неделю каждый курсант крутился на центробежной установке, приучаясь к перегрузкам. Раз в неделю по часу все пять лет. Надо было сидеть и терпеть, и слушать, как трещат кости, и чувствовать, как широкие ремни впиваются сквозь толстую ткань костюма в обрюзгшее тело, как обвисает лицо и как трудно мигать – тяжелеют веки. И при этом нужно было решать какие-то малоинтересные задачи или составлять стандартные подпрограммы для вычислителя, и это было совсем нелегко, хотя и задачи, и подпрограммы были известны с первого курса. Некоторые курсанты выдерживали семикратные перегрузки, а другие не выдерживали даже тройных – они не могли справиться с черным выпадением зрения, и их переводили на факультет Дистанционного Управления.

Коромысло стало вращаться медленнее, кабинки повисли вертикально. Из одной вылез худощавый смуглый Нгуэн Фу Дат и остановился, держась за раскрытую дверцу. Его покачивало. Из другой кабинки мешком вывалился Гургенидзе. Курсанты на шведской скамейке вскочили на ноги, но дежурный уже помог ему подняться, и он сел, упираясь руками в пол.

- Больше жизни, Лева! - громко сказал один из курсантов.

Все засмеялись. Только Панин не засмеялся.

- Ничего, ребята, - сипло сказал Гургенидзе и встал. - Ерунда! - Он страшно зашевелил лицом, разминая затекшие мускулы щек. - Ерунда! - повторил он.

- Ох и понесут же тебя сегодня, спортсмен! - сказал Панин негромко, но очень энергично.

Кондратьев сделал вид, что не слышит. «Если меня сегодня понесут, - подумал он, - все пропало. Не могут меня сегодня понести. Не должны».

- Полноват Лева, - сказал он, - Полные плохо переносили перегрузки.

- Похудеет, - бодро сказал Панин. - Захочет, так похудеет.

Панин потерял шесть кило, прежде чем научился выдерживать пятикратные перегрузки, положенные по норме. Это было необыкновенно мучительно, но он очень не хотел к дистанционникам. Он хотел быть штурманом.

В станине открылся люк, оттуда вылез инструктор в белом халате и отобрал у Нгуэна и Гургенидзе листки с записями.

- Кондратьев и Панин готовы? - сказал он.

- Готовы, - сказал дежурный. Инструктор бегло проглядел листки.

- Так, - сказал он. - Нгуэн и Гургенидзе свободны. У вас зачет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/strugackie_arkadiy-i-boris/pochti-takie-zhe

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)